

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47).084.9

DOI 10.26456/vthistory/2023.2.005–020

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ КАК ИНТЕНЦИЯ В ЖЕНСКОЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЭПОХИ ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»: ПРАКТИКИ САМОАНАЛИЗА АКАДЕМИКА П.Я. КОЧИНОЙ¹

А.В. Белова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

Статья посвящена концепту социального оптимизма как ведущей интенции в женской автобиографической памяти эпохи хрущевской «оттепели». На основе исследования опубликованных мемуаров третьей женщины-академика в СССР П.Я. Кочиной выявляются черты социального оптимизма в самоанализе повседневной жизни и мировоззренческих установок, анализируются некоторые вехи профессионального и общественного пути учёной, выясняется сопряженность индивидуальных и коллективных ценностных ориентаций. В заключении делается вывод о том, что позитивные жизненные установки, которые содержали колоссальный преобразовательный потенциал, характеризовали и ее собственное мировоззрение, и своеобразный «женский голос» эпохи, озвучивший коллективную автобиографическую память женщин и воплотивший опыты их повседневности, устремленной к созданию социального проекта «лучшего будущего».

Ключевые слова: академик Пелагея Яковлевна Кочина, повседневная жизнь, женская повседневность, женская автобиографическая память, социальный оптимизм, женская история, хрущевская «оттепель».

Интенция социального оптимизма стала одним из ключевых ресурсов развития советского общества в условиях хрущевской «оттепели». Это отчетливо проявилось в женской автобиографической памяти участниц событий, для которых двадцатое столетие стало не только временем кардинальных общественных трансформаций, но и не возможных в рамках прежней социальной системы личных траекторий мобильности и эмансипации. В этом смысле наиболее характерный пример – судьба академика Пелагеи

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века)» (№ 22-28-01428).

Яковлевны Кочиной (Полубариновой) (1899–1999), которая была одной из видных представительниц советской науки, крупным ученым в области гидродинамики и прикладной математики². Она внесла большой вклад в реализацию женской истории XX века: собственной биографией третья женщина-академик (1958) в СССР воплотила «новую судьбу» советской женщины, совершив социальное восхождение из крестьянской среды до Академии наук. Подобная социальная мобильность, выступая одним из проявлений женской эмансипации в советском обществе, служила вместе с тем важным связующим звеном с дореволюционными достижениями в области высшего образования для женщин и доступа их к профессиональной самореализации.

Будучи одной из представительниц первых поколений россиянок, получивших высшее образование, и являясь его апологетом, П.Я. Кочина стала исследовательницей³ жизненного и научного пути другой «знаменитой русской женщины – Софьи Васильевны Ковалевской»⁴ (для которой в XIX в. таких возможностей внутри страны еще не существовало), возглавила коллективную работу по переводу, публикации, изучению ее мемуарного, художественного и эпистолярного наследия⁵. Начиная с первых детских воспоминаний в автобиографической памяти П. Я. Кочиной истории разных женщин тесно переплетаются с ее «личной» женской историей.

Наряду с признанной в советское время и отмеченной высокими государственными наградами⁶ научной деятельностью ученая активно занималась общественной. П. Я. Кочина награждена четырьмя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалями, удостоена Государственной премии СССР⁷. Разнообразная научная и общественная активность была запечатлена ею в опубликованных в 1974 г. воспоминаниях о пережитом, пронизанных в целом, социальным оптимизмом. Цель статьи – выявить черты социального оптимизма в самоанализе повседневной жизни и миро-

² Кочина Пелагея Яковлевна // Российская академия наук. [Электронный ресурс] URL: https://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=.id-800.ln-ru.dl-pr-inf.uk-12 (дата обращения: 19.02.2023); Кочина Пелагея Яковлевна // Российская академия наук. URL: <https://new.ras.ru/staff/akademiki/kochina-pelageya-yakovlevna/> (дата обращения: 19.02.2023).

³ Кочина П. Я. Софья Васильевна Ковалевская, 1850–1891 / отв. ред. А. Ю. Ишлинский, З. К. Соколовская. М., 1981; Кочина П. Я., Зенкевич И. Г. С. В. Ковалевская. М., 1986. (Люди науки).

⁴ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания. М., 1974. С. 146.

⁵ Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести / отв. ред. П. Я. Кочина. М., 1974. (Литературные памятники АН СССР); Переписка С. В. Ковалевской и Г. Миттаг-Левфлера / сост. П. Я. Кочина и Е. П. Ожигова. М., 1984.

⁶ Пелагея Яковлевна Полубаринова-Кочина // Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт гидродинамики им. М.А. Лаврентьева Сибирского отделения Российской академии наук. История Института. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hydro.nsc.ru/institute/history/person/Kochina.php> (дата обращения: 19.02.2023).

⁷ Кочина П. Я., Зенкевич И. Г. Указ. соч. С. 3.

воззренческих установок в контексте автобиографической памяти академика Пелагеи Яковлевны Кочиной. Для этого выбраны три значительных эпизода в ретроспективном осмыслении ею собственной общественной и профессиональной деятельности, имевших особое социально-политическое и народно-хозяйственное значение: участия в международных женских конгрессах конца 1940–1950-х гг., в открытии Сибирского отделения Академии наук СССР и создании Академгородка, в среднеазиатской научной экспедиции в 1950 г.

Частью эмансипационного проекта советской государственности являлись женские общественные организации в СССР. Среди вовлеченных в их деятельность широких слоев женщин были и наиболее видные представительницы науки, такие как академик П.Я. Кочина. Одну из важных тем в ее автобиографической памяти составляет участие в международных женских конгрессах конца 1940–1950-х гг. С этим были связаны заграничные поездки, в ходе которых делегация советских женщин выполняла общественно значимую миссию в послевоенной Европе.

П.Я. Кочина отмечала, что Первый международный конгресс женщин проходил в Париже в 1945 г., и на нём была основана Международная демократическая федерация женщин (МДФЖ)⁸. В эту организацию вошел Антифашистский комитет советских женщин (1941–1956), переименованный затем в Комитет советских женщин (1956–1992), документы о деятельности которого хранятся в Государственном архиве Российской Федерации⁹.

Академик П.Я. Кочина подробно описала свои впечатления от участия во Втором международном конгрессе женщин в Будапеште в ноябре 1948 г., организованном Международной демократической федерацией женщин, в которую входил тогда Антифашистский комитет советских женщин¹⁰. В составе советской делегации, возглавляемой Н. В. Поповой (председателем Антифашистского комитета / Комитета советских женщин в 1945–1968, вице-председателем Международной демократической федерации женщин), она оказалась в центре исторически значимых событий в один из ключевых моментов обустройства Европы после Второй мировой войны.

Важно отметить непредвзятость восприятия и оценок происходящего П. Я. Кочиной, отсутствие нарочитой идеологизированности, напротив, – неожиданную эстетизацию наблюдаемого. Это прослеживается в вербальной характеристике и столицы Венгрии, и зала заседаний, и отдельных участниц – представительниц других стран¹¹. Обращая внимание на международный статус женского форума, разнообразие расового и национального

⁸ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 244.

⁹ Путеводители по российским архивам. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории СССР. Путеводитель. Том 3. 1997. Общественно-политические организации. Комитет советских женщин (1941–1992). [Электронный ресурс] URL: <https://guides.rusarchives.ru/funds/6/komitet-sovetskih-zhenshchin-1941-1992> (дата обращения: 16.03.2022).

¹⁰ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 244.

¹¹ Там же. С. 244.

состава собравшихся, П.Я. Кочина подчеркивает общность антивоенного настроения женщин, их единство в этой ключевой общественной повестке послевоенных лет: «Особое чувство общности народов мира охватывало нас при виде женщин, таких разных, по внешности и вместе с тем имеющих столько общего. У всех было общее стремление к миру, к спокойной, достойной человека жизни»¹². Созданный на начальном этапе Великой Отечественной войны, 7 сентября 1941 г., на I Всесоюзном антифашистском митинге, проходившем в Москве, с целью «установления связей с женскими зарубежными организациями, сплочения женщин всех стран мира в борьбе против фашизма, за мир и права женщин, улучшение положения детей, вовлечения советских женщин в решение социально-экономических задач»¹³ Антифашистский комитет советских женщин и после ее окончания продолжал играть активную роль в антивоенной борьбе в условиях новых вызовов и наметившегося противостояния бывших союзников по антигитлеровской коалиции.

Среди тем Второго международного конгресса женщин П.Я. Кочиной вспоминались вопросы «улучшения ухода за детьми, их воспитания и образования, подъема благосостояния семьи и помощи женщинам в их домашней работе»¹⁴, поднимаемые преимущественно представительницами социалистических стран. Также в памяти советской ученой сохранились впечатления от отсутствия политического равноправия в некоторых капиталистических странах, таких как Швейцария или Сан-Марино («права входить в состав парламента» будут предоставлены в 1971 г. и 1973 г. соответственно¹⁵). П.Я. Кочиной «казалось особенно странным, что в Швейцарии, которая в прошлом веке была передовой страной и первая впустила женщин в стены своих университетов, всё ещё не было полного равноправия»¹⁶. Показательно, что она связывала предоставление избирательных прав женщинам и достигнутую возможность получения ими высшего образования как последовательные шаги по пути женской эмансипации.

Дух женской солидарности проявился в международном общении и поддержании общественных и научных взаимодействий женщин из разных стран. К представительницам советской делегации, по словам П.Я. Кочиной, «часто подходила» вдова убитого нацистами в 1944 г. в концентрационном лагере Бухенвальд лидера германских коммунистов Э. Тельмана, Р. Тельман (1890–1962), также бывшая узницей женского концентрационного лагеря Равенсбрюк, спасенная от истощения после освобождения советскими женщинами-врачами (Л.А. Петровой и ещё одной, имя которой П.Я. Кочина не приводит). Факт того, что советские врачи, имевшие опыт выхаживания больных дистрофией из блокадного Ленинграда, спасали бывших узников нацистских концлагерей, широко известен. Знаком дружеского внимания

¹² Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 244.

¹³ Путеводители по российским архивам...

¹⁴ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 244.

¹⁵ Там же. С. 245.

¹⁶ Там же. С. 244.

стали подаренные Розой Тельман советским женщинам фотографии её мужа с собственным автографом. Она и впоследствии, бывая в Москве, «поддерживала дружбу с Комитетом советских женщин»¹⁷.

Ещё одним значимым контактом П.Я. Кочина считала знакомство с «женщинами шведской делегации» и напоминание им о приближающемся в начале 1950 г. столетнем юбилее С.В. Ковалевской, который впоследствии был «широко отмечен в Швеции». Из написанного П.Я. Кочиной и отправленного «общественной деятельнице Швеции Андреа Андреен» биографического очерка «русской ученой» шведы узнали «точную дату рождения Ковалевской»¹⁸.

В апреле 1950 г. П.Я. Кочина стала членом советской делегации на Третьем женском конгрессе в ГДР. Возглавляла делегацию М.Д. Ковригина (1910–1995), в отношении должности которой П.Я. Кочина допустила неточность, назвав её «министром здравоохранения СССР»¹⁹, хотя в то время она была заместителем министра, а до марта 1946 г. наркома (1942–1950), затем министром здравоохранения РСФСР (1950–1953). Министром здравоохранения СССР она станет в 1954–1959 гг., войдя в историю не только как первая женщина-министр в СССР, но и как автор прогрессивных реформ в области репродуктивной политики, в том числе легализовавшая аборты в 1955 г. и увеличившая отпуск по беременности²⁰. В составе делегации П.Я. Кочина «помнила» профессии ещё нескольких участниц («народной артистки», «врача», «инженера») из разных городов страны.

Волнение П.Я. Кочиной вызвало размещение советской делегации в гостинице у Бранденбургских ворот, из окон которой были видны развалины имперской канцелярии. Пять лет, прошедшие с окончания войны, позволяли испытывать сопричастность к историческим событиям. Она отмечала гигантские размеры здания, упоминала о бомбоубежище и бункере на глубине 16 м.

Заседания конгресса проходили в одном из театров Берлина, на них «выступали представительницы различных земель ГДР» и «обсуждались местные вопросы женских и детских организаций и общие вопросы мира»²¹. В перерывах происходили встречи отдельных групп женщин, на которых звучал актуальный вопрос «немецкой вины». П.Я. Кочиной запомнилась и культурная программа по окончании работы конгресса, включавшая в себя посещение Дрездена и Веймара, и заключительный приём для женских делегаций, устроенный премьер-министром ГДР Отто Гротеволем. Как и в Бу-

¹⁷ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 245.

¹⁸ Там же. С. 246.

¹⁹ Там же.

²⁰ Соколенко О. Спасение детей и право на аборт: история первой советской женщины-министра // Forbes Woman. 11 февраля 2022 г. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/455351-spasenie-detej-i-pravo-na-abort-istoria-pervoj-sovetskoj-zensiny-ministra> (дата обращения: 16.03.2022).

²¹ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 246.

дапеште, где она побывала на «горе Геллерт с памятником советским воинам»²², в Берлине она посетила Трептов-парк с Памятником советскому воину-освободителю²³.

В мае 1959 г. в качестве приглашённого гостя П.Я. Кочина стала делегаткой конгресса Союза итальянских женщин в Риме. Вспоминая мельчайшие подробности о несвоевременном оформлении визы, ночном прибытии в Рим и встрече «с букетами роз», трансфере «от аэродрома до города» на частном автомобиле, управляемом М. Родано, «одной из руководительниц женского союза, сенатором от компартии»²⁴ и при этом многодетной матерью пятерых детей, она не забывает подробно изложить женскую повестку конгресса. По словам П.Я. Кочиной, «Союз итальянских женщин имеет основной своей целью борьбу за фактическую эмансипацию женщин Италии»²⁵. Она отмечала отсутствие фактического равноправия итальянок, несмотря на формальное его достижение в 1947 г. П.Я. Кочина называла основные дефициты в этой связи, такие как разрыв в оплате труда, первоочередное увольнение женщин при сокращении штата, лишение девушек работы при выходе замуж, отсутствие трудового соглашения с батраками, социальная депривация которых дополнялась гендерной в отношении батрачек²⁶. Конгресс, собравший 800 женщин из разных регионов Италии, сочетал женскую повестку с актуальной общественной. По замечанию П.Я. Кочиной, «женский вопрос теснейшим образом связан с острыми проблемами современности, поэтому выступавшие говорили и об атомной опасности, и о расстановке ракетных баз в Италии, и об общей безработице, и о забастовочных движениях в Италии»²⁷. Также советскую ученую вдохновили вопросы «воспитания современной молодежи» и специальные издания по вопросам женщин и родительства, некоторые статьи из которых публиковались в русском переводе в известном советском журнале «Семья и школа».

В конгрессе Союза итальянских женщин, «самой крупной и активной женской организации среди секций МДФЖ», принимали участие, помимо советской, делегации женщин из Польши, Чехословакии, Югославии, Швейцарии, Греции, Франции, ГДР, Индонезии. В ходе дискуссий, в кулуарах конгресса и после его окончания завязывалось женское международное сотрудничество, способствовавшее решению насущных вопросов конца 1950-х гг. Инициативной группой была начата подготовка к созыву в 1959 г. «совещания женщин европейских стран по вопросу об ответственности за атомную опасность»²⁸. Именно женщины стали первыми, кто забил тревогу

²² Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 244.

²³ Там же. С. 248.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 249.

²⁸ Там же. С. 249–250.

«об опасности испытаний атомных бомб и радиоактивных излучений»²⁹. Отвечая на вопросы корреспондента одной из итальянских газет, академик П.Я. Кочина поделилась своими оптимистичными пожеланиями о том, что «хотела бы видеть итальянских женщин счастливыми, добившимися осуществления своих требований, общих для женщин всех стран, да и не только для женщин, но и для всего человечества»³⁰. В автобиографической памяти «третьей женщины – академика Советского Союза»³¹ участие в международных женских конгрессах конца 1940–1950-х гг. стало значимым опытом международного сотрудничества в рамках женской и гуманистической повестки.

Вектор социального оптимизма в СССР в конце 1950 – начале 1960-х гг. был задан не только идеологическими иллюзиями построения коммунизма, но и вполне прагматическими опорами ввиду улучшения качества жизни и повышения уровня общественного благосостояния в сравнении с довоенным. Реалии советской бытовой повседневности позволяли дифференцировать жизненные запросы людей разного социального статуса и интеллектуального уровня.

Женская автобиографическая память эпохи хрущевской «оттепели» сохранила представления о противоположности временно претерпеваемой неустроенности индивидуального быта социальному оптимизму научной карьеры (см.: Белова А.В. Бытовая неустроенность vs социальный оптимизм научной карьеры в женской автобиографической памяти эпохи хрущевской «оттепели» // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности. Материалы XV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Пенза, 29 сент. – 2 окт. 2022 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко: в 2 ч. М.: ИЭА РАН, 2022. Ч. 1. 426 с. С. 275–280). Академик П.Я. Кочина была одной из тех, кто откликнулся на призыв Академии наук СССР поддержать «проект организации науки в Сибири»³² в соответствии с принятым в 1957 г. решением открыть «Сибирское отделение Академии наук СССР и построить для него близ города Новосибирска научный городок с помещениями для институтов и благоустроенными жилыми домами для сотрудников»³³. Став в 1958 г. «третьей женщиной – академиком Советского Союза»³⁴, она согласилась сменить жизненный комфорт столицы на малоустроенный быт первопроходца «в экспедиционном бараке»³⁵, который зимой «было очень трудно натопить»³⁶. По словам Пелагеи Яковлевны, «придя домой поздно вечером, одинокие золотодолинцы находили

²⁹ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 250.

³⁰ Там же. С. 253.

³¹ Там же. С. 164.

³² Там же. С. 162.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 164.

³⁵ Там же. С. 169.

³⁶ Там же.

своё помещение промерзшим. Они должны были лопатой набирать каменный уголь вместе со снегом, бросать его в печку, которая растапливалась мелкими дровами»³⁷. Иногда, если «не хватало энергии на топку», приходилось «спать в холодном помещении»³⁸. Однако первоначальная бытовая неустроенность компенсировалась жизнеутверждающим осознанием благоприятных условий для продолжения научной деятельности: «А ведь как интересно поехать в Сибирь, какие широкие перспективы для работы!»³⁹. Важно отметить, что столь экспрессивное отношение выражено не молодым специалистом в начале профессиональной карьеры, а 59-летней женщиной-академиком, к тому времени сложившимся и признанным ученым.

Социальный оптимизм, пронизывавший в целом воспоминания П.Я. Кочиной о пережитом, сквозил и в её повествовании о сибирском этапе (1958–1970)⁴⁰ научной карьеры: «Все мы были воодушевлены стремлением приложить наши теоретические знания к практическим задачам... Я проявляла даже некоторую самонадеянность, когда думала о том, сколько полезных вещей мы сможем сделать в Сибири»⁴¹. Её кипучая научная и общественная деятельность сочеталась с обыденными административными поручениями, например «побеседовать с женами сотрудников, согласившихся ехать в Сибирь», «убеждать их, что в Новосибирске... у них будет интересная жизнь»⁴². Как полагает П.Я. Кочина, для большинства её «предсказание оправдалось»⁴³. Подобного рода позитивные жизненные установки, которые содержали колоссальный преобразовательный потенциал, характеризовали и ее собственное мировоззрение, и своеобразный «женский голос» эпохи, озвучивший коллективную автобиографическую память женщин и воплотивший опыты их повседневности, устремлённой к реализации социального проекту «лучшего будущего».

Статус академика предполагал неоднократное улучшение жилищных условий: скорый переезд из «экспедиционного барака»⁴⁴ в «малогабаритную квартиру»⁴⁵ в «новом кирпичном доме»⁴⁶, а из него в «большой двухэтажный коттедж»⁴⁷ и «полукоттедж»⁴⁸. Разумеется, переселение представителей советской научной элиты из «опустевших столиц» в Академгородок исключал

³⁷ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 169–170.

³⁸ Там же. С. 170.

³⁹ Там же. С. 164.

⁴⁰ Большая жизнь: к 100-летию академика Пелагеи Яковлевны Кочиной // Наука в Сибири. 1999. № 18 (2204) от 7 мая. С. 1. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sbras.ru/ru/HBC-1999> (дата обращения: 16.03.2022).

⁴¹ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 165.

⁴² Там же. С. 164.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 169.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 170.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 171.

«вещевую» переполненность и захламленность «нового» домашнего пространства. Её «своеобразный быт и нравы» описала в стилизованной под «Евгения Онегина» поэме «Долиниада» Н.А. Притвиц, коллега П.Я. Кочиной, приводящей выдержки «с разрешения автора»⁴⁹. Вместе с тем социальный оптимизм женской части академического сообщества⁵⁰ был обусловлен вовсе не материальным бытом, отличавшимся повышенной комфортностью от коммунального образа жизни «среднего» советского человека. И жилищные условия в отдельном доме в два этажа, и подобие домашней прислуги в лице «помогавшей по хозяйству»⁵¹ соседки содержат в себе аллюзию на дворянский привилегированный быт новой интеллектуальной элиты советского общества. Однако, подобно жёнам представителей мятежного дворянства XIX в., отправившимся в Сибирь по своей воле, женщины-учёные в конце 1950-х гг. с готовностью претерпевали бытовые неудобства и сложности начального этапа жизни на необжитом месте во имя высоких идеалов общественного служения и достижения новых рубежей отечественной наукой.

Об этом свидетельствовали коллеги-мужчины: «Ни возраст, ни суровые условия не остановили Пелагею Яковлевну в её стремлении помочь освоить природные богатства восточных областей страны. В 1959 году, когда ещё в помине не было замечательных коттеджей Золотой долины, Кочина уже развернула первые исследования. В её щитовом домике разместились и лаборатория, и общежитие молодых сотрудниц института. Гарнитур полированной мебели причудливым образом дополнили ящики из-под химических реактивов. На них были установлены приборы. Но главная работа выполнялась под открытым небом. Каждое лето во главе экспедиции П.Я. Кочина отправлялась в Кулундинские степи, чтобы оказать помощь хозяйствам, заложить новые эксперименты, на практике проверить теоретические выводы»⁵². Преданность делу и профессиональному долгу ученого не только перевешивала бытовой дискомфорт повседневной жизни в определенные периоды, но и еще больше укрепляла в ценностях неизменно оптимистического сценария общественного развития.

Как крупный учёный в области гидродинамики академик П.Я. Кочина внесла большой вклад в развитие мелиорации и создание оросительных систем в Узбекистане. Социальный оптимизм сквозил и в ее повествовании о поездке в Узбекистан⁵³, содержащем ценную профессиональную информацию наряду с этнологическими подробностями быта и повседневных обычаев узбекских женщин и мужчин. П.Я. Кочина поясняла, что, побывав в

⁴⁹ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 171.

⁵⁰ *Pushkareva N., Zhidchenko A.* Women Scholars of Akademgorodok: Everyday Life in a Soviet University Town during the Thaw // *The Russian Review. An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present.* 2022. Vol. 81. № 2. P. 302–324.

⁵¹ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 170.

⁵² *Евладов Б.В., Мокишин С.И.* Золотая долина, Академгородок: (Репортаж из Новосибирского научного центра). М., 1966. [Электронный ресурс] URL: <http://prometeus.nsc.ru/akademgorodok/texts/valley2.ssi#voda> (дата обращения: 16.03.2022).

⁵³ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 205–214.

1950–1952 гг. «на имеющихся уже оросительных системах – в Узбекистане, Таджикистане и Азербайджане, и на строящейся системе Волго-Дона, и на местах запроектированного, но неосуществленного строительства гидростанций Главного Туркменского канала», на «некоторых интересных объектах Армении и Грузии», а позже и в «других местах гидромелиоративного строительства», она интересовалась прежде всего «вопросами преобразования и охраны природы»⁵⁴. Выполняемые под её руководством теоретические исследования, по её оценке, «всё более начали склоняться в сторону приложений к вопросам орошения»⁵⁵. Сбор этнографического материала, разумеется, не входил в её задачи, тем ценнее становятся наблюдения за повседневной жизнью узбеков, особенностями их семейного и бытового поведения, наиболее контрастировавшими с привычными для жительницы РСФСР.

В среднеазиатскую научную экспедицию в 1950 г. академик П.Я. Кочина направилась совместно с сотрудниками Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР для того, чтобы побывать на объектах «орошаемого Узбекистана», связанных с ее теоретическими исследованиями⁵⁶. Наряду с видами Ташкента, внимание Кочиной привлекает то, что «на улицах встречались женщины в парандже – плотной длинной накидке, причем лицо покрывалось чачваном из конского волоса»⁵⁷. Традиционная мусульманская женская одежда в столице союзной республики послевоенного СССР воспринималась ею как архаическая черта, выступавшая, с одной стороны, маркером этнической культуры узбеков, с другой, – противоположностью образа советской женщины. Пелагея Яковлевна отмечала противоречивое сочетание элементов «традиционной» и «современной» культуры, связанное с необходимостью соблюдения узбекскими девушками обычая ношения паранджи в частном домашнем пространстве, и возможностью игнорировать его при нахождении в публичных общественных местах. Особое впечатление на неё произвел эпизод, когда «в парке на скамье сидела молодая девушка с солдатом, рядом с нею лежала паранджа: вероятно, девушка надевала её, приближаясь к дому»⁵⁸. Собственно, вряд ли, традиционная узбекская семья могла бы одобрить и само спонтанное свидание молодых людей, которое также выражало конфликт этнической традиции и женской эмансипации, не ставшей всеобъемлющей установкой в республиках Средней Азии. Сохранение традиционного внешнего облика женщин Узбекистана неожиданным образом контрастировало с более чем тридцатилетней практикой атеистического советского стиля жизни. Наряду с этим Кочина передавала и сведения «традиции», явно, советского происхождения о новых вариантах использования этнической женской одежды. Как она вспоминала, «рассказывали, что иногда мужчины надевали паранджу для сокрытия

⁵⁴ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 204–205.

⁵⁵ Там же. С. 205.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

своих неблагоприятных дел»⁵⁹. Автор не поясняет, идёт ли речь о прелюбодеяниях, махинациях или противоправных действиях, тем не менее упоминание ею о подобных уловках свидетельствует об акцентировании внимания на эксплуатации этнических аспектов повседневной жизни в условиях официального советского быта.

Ещё одним характерным с этнологической точки зрения сюжетом становится воспроизведение П.Я. Кочиной услышанных историй о небезопасном пребывании девочек и девушек в степях Средней Азии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. из-за разбойных действий отрядов басмачей. Чтобы обезопасить девочку, её могли одеть «в костюм мальчика», о чём сообщала одна из коллег, доктор геолого-минералогических наук Н.М. Решеткина, «рассказывая о своем детстве»⁶⁰. Уже став гидрогеологом и «занимаясь обследованием колодцев в Кашкадарьинской степи», она вместе «с другой девушкой-гидрогеологом» выполняла «обычную свою работу» так же, «одетой по-мужски»⁶¹. Предосторожность в виде вынужденного женско-мужского travestирования характеризуется вместе с тем и как более «удобная»⁶² одежда для верховой езды. Наряду с этим защитную функцию выполняли традиционные обычаи, о которых П.Я. Кочина вспоминала со слов коллеги: «по закону пустыни тот, кто тебя напоил, твой друг, и ты должен защищать его»⁶³. Утолив жажду незнакомцев, можно было сохранить неуязвимость в непредсказуемых обстоятельствах. В автобиографической памяти П.Я. Кочиной акцентируются свидетельства женской эмансипации – выбор рядом её коллег и сотрудниц-женщин профессии гидрогеолога, прохождение студенческой практики или выполнение профессиональных обязанностей в потенциально рискованных условиях, нахождение самостоятельных решений в сложных жизненных ситуациях. Это в равной степени применимо и к концу 1920-х – началу 1930-х гг., о которых шла речь в историях «стихийных респонденток», и к 1950-м, когда будущая женщина-академик собирала «полевой материал», и к 1970-м гг., когда она его «обрабатывала» и осмысляла в виде записанных воспоминаний.

Маршрут среднеазиатской научной экспедиции пролегал из Ташкента в Ферганскую долину, на станцию Ново-Алексеевская⁶⁴. П.Я. Кочина вспоминала, как, проходя по поселку в сопровождении гидрогеолога А.Ф. Сляднева, она обратила внимание на то, что «он часто останавливался, встречая знакомых узбеков и разговаривая с ними по-узбекски», но «заметила, что ни с одной из встречаемых женщин он не поздоровался»⁶⁵. Спустя двадцать лет память учёной сохранила тот факт, что её тогда заинтересовал вопрос раз-

⁵⁹ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 205.

⁶⁰ Там же. С. 205–206.

⁶¹ Там же. С. 206.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 206–207.

⁶⁴ Там же. С. 207.

⁶⁵ Там же. С. 208.

личного поведения коллеги с узбекскими мужчинами и женщинами, и в ответ она узнала, что «обычай не позволяет здороваться с женщиной, он может этим вызвать враждебное отношение её семьи»⁶⁶. Следование этнически обусловленным правилам межполового взаимодействия среди узбеков оставалось по-прежнему обязательным и не отменялось универсальными нормами общения советских людей. Этнокультурная традиция в Узбекистане оказывалась влиятельнее одобряемых образцов социального поведения и формируемой общей идентичности в масштабах СССР. Посещение семьи «знакомых узбеков» заставило П.Я. Кочину осведомиться о правилах межкультурного взаимодействия в данном случае. Узнав о том, что как женщина она «могла здороваться и с мужчинами, и с женщинами», она «всем подала руку», приняв предложение об угощении этнической пищей в виде «чая в пиалах и лепешек»⁶⁷. П.Я. Кочина особо отметила, что среди членов узбекской семьи были «молодые женщины, весело смеявшиеся»⁶⁸. Тем самым она как бы всё время пыталась подчеркнуть, что элементы советской эмансипации и открытости проникали в середине XX в. и в повседневную жизнь узбеков, а женский быт, хотя и связанный в большей степени с домом, уже не был полностью замкнутым, исключавшим общение с гостями, представителями иных этнических групп.

В Коканде П.Я. Кочина по совету сотрудников Гидрогеологического управления останавливалась в «типично узбекском» доме У. Ходжаева с закрытым внутренним двором, ограждённым «дувалом – высокой глиняной стеной»⁶⁹. Она подметила важные этнографические черты, связанные с традиционным бытом узбекской семьи того времени. В частности, вспоминала, что «внутри было несколько домов, в которых жила многочисленная семья»⁷⁰. Судя по ее наблюдению, узбеки продолжали жить неразделенными большими семьями, одним из отличительных признаков которых была многодетность. Наличие «детей разного возраста, вплоть до грудного»⁷¹, указывает на полную включенность жены и матери в домашнюю повседневность, отсутствие у неё трудовой занятости вне семьи, что может свидетельствовать об отсутствии профессии и образования. Репродуктивная активность на протяжении всего периода фертильности приводила к существенной разнице в возрасте между детьми, в частности к тому, что старшая дочь «немолодой женщины» уже достигла трудоспособного возраста и, в отличие от матери, «работала медицинской сестрой», в то время как младший ребенок был новорожденным. Материнское воспитание в узбекской семье допускало «громкое покрикивание на детей» и отдавание им «распоряжений»⁷². Отношения матери и детей были иерархизированными и не горизонтальными.

⁶⁶ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 208.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 210.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

П.Я. Кочина принадлежала к поколению эмансипированных женщин, чьи взгляды были сформированы и обучением на Бестужевских курсах, и новой послереволюционной половой моралью, отрицавшей косность и лицемерие семейного быта, была матерью двух дочерей-близнецов. Совмещая, благодаря помощи близких, материнство с успешной научной карьерой, она не могла не заметить отличий патриархального уклада узбекской семьи и традиционного положения женщины в ней, где той вменялись этнически обусловленные стереотипно-феминные роли, от привычного ей стандарта жизни. Наибольшее удивление П.Я. Кочиной было связано с открытием того, что «говорившая по-узбекски» и «свыкшаяся с узбекскими обычаями» мать семейства оказалась этнической «русской»⁷³. Этот факт был установлен при переходе в разговоре с ней на русский язык. Данный случай не только свидетельствует о межэтнических браках в советском Узбекистане, о женщинах-билингвах, состоящих в таких браках, но и выявляет неравнозначность культурных компонентов, составляющих ценностную основу смешанной семьи, в которой наблюдалось преобладание узбекских повседневных обычаев и этнических традиций. Для П.Я. Кочиной важно было отметить данную асимметрию, подчеркнув, что мать узбекского семейства – «русская, зовут её Любовь Степановна», и она «скучала, как она сказала, по своей русской деревне, в которую давно собирается съездить, но никак не может оторваться от семьи»⁷⁴. Поглощённость семейными обязанностями жены и матери препятствовала удовлетворению ее собственной эмоциональной потребности в том, чтобы посетить «малую родину». Проводившей много времени в разъездах, деловых поездках и частных путешествиях П.Я. Кочиной это могло восприниматься неприемлемым для образа жизни современной советской женщины. Обстоятельства межэтнического брака, что было нередким явлением в многонациональном СССР, не раскрывались.

П.Я. Кочина была одной из тех учёных, которые внесли непосредственный вклад в создание и совершенствование оросительных систем в Узбекистане, способствовали внедрению вертикального и закрытого горизонтального дренажа, лотковой системы орошения, научно решали вопрос о борьбе с засолением почв, благодаря чему, по словам академика, «хлопковые поля в хорошем состоянии и дают высокие урожаи»⁷⁵. Теоретические исследования П.Я. Кочиной были направлены на изучение «моделей движения грунтовых вод»⁷⁶ в условиях степных зон и постановку задач об «оптимальном планировании площадей орошения»⁷⁷. В 1950-е гг. она присутствовала с коллегами из Узбекской академии наук на испытаниях в полевых условиях первых опытных образцов хлопкоуборочных машин, не забывая

⁷³ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 210.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 212.

⁷⁶ Там же. С. 189.

⁷⁷ Там же. С. 190.

впоследствии не только уточнить, что «советские машины лучше американских»⁷⁸, но и привести результаты сравнения машинного и ручного сбора хлопка женщинами. По словам П.Я. Кочиной, на опытном поле узбекские женщины показали «свой чистый хлопок и подсмеивались над машинным, загрязненным», то есть «недостатком машин являлась неполная очистка коробочек»⁷⁹. Это означало необходимость дальнейшего конструкторского усовершенствования хлопкоуборочной техники с целью повышения процента сбора и последующего длительного её внедрения. Однако механизация так и не компенсировала полностью традиционную деятельность узбекских женщин по сбору хлопка.

Несмотря на сложности и лишения, необходимость в разные годы претерпевать бытовой дискомфорт, как и многим советским людям, академику П.Я. Кочиной были присущи позитивные жизненные установки, содержащие колоссальный преобразовательный потенциал, и в целом жизнеутверждающее мироощущение, которое характеризовалось социальным оптимизмом. Такое мировоззрение включало, с одной стороны, осознанную готовность к профессиональной деятельности во имя общественного блага и «высокой» цели, с другой, – непоколебимую уверенность в неизменной положительной динамике в развитии общества в направлении реализации социального проекта «лучшего будущего». Умение замечать «большие достижения в осуществлении идей», позитивные изменения и улучшения, придавая им большее значение в оценке происходящего, чем негативу и явным упущениям, являлось личностным качеством и самой П.Я. Кочиной, и её профессионального окружения, в том числе коллег-женщин. Н.М. Решеткина, «гид» по Узбекистану в экспедиции 1950 г., вернувшись из поездки по тем же местам спустя двадцать лет, сообщала о том, что «все стали более образованными, многие деятели, партийные и хозяйственные, имеют высшее образование»; «дети хорошо одеты, не бегают босиком, и уже не встречаются женщины в парандже»⁸⁰. Последнее наблюдение было особенно важным для П.Я. Кочиной, сумевшей тем самым не только подтвердить собственные ожидания общественного прогресса, но и констатировать нейтрализацию к 1970-м гг. обычая ношения традиционной мусульманской женской одежды нормами светского эмансипированного стиля, характеризующего универсальную советскую идентичность.

Воспоминания академика Пелагеи Яковлевны Кочиной о пережитом характеризовали одновременно и её собственное мировоззрение, и своеобразный «женский голос» эпохи, озвучивший коллективную автобиографическую память женщин об опытах их повседневности в условиях советского проекта эмансипации. В отношении женщин из союзных республик внешние результаты данного проекта визуализировались как демонстративный отказ от следования многовековым устоям этнокультурной традиции.

⁷⁸ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 213.

⁷⁹ Там же. С. 212.

⁸⁰ Там же. С. 213.

Нарративы советских женщин о собственном прошлом, «пережитые истории», запечатлевшие индивидуальную память о повседневной жизни в контексте происходивших политических и социальных событий, в сочетании с актуальными «повседневными заботами и переживаниями» не только конструируют идентичность авторов, выявляют характерные для них дискурсы о мире, но и по особому преобразуют общезначимый контент в элементы автобиографической памяти. Выявленные черты непреднамеренного этнографического описания в ретроспективном осмыслении Пелагеей Яковлевой Кочиной своего участия в среднеазиатской научной экспедиции в 1950 г. позволяют судить о том, какие из событий подлежали запоминанию, какими были особенности женской памяти об общественно-значимых событиях, породивших в прошлом личные опыты эмоционального восприятия, как трансформировались нетипичные жизненные практики в приемлемые воспоминания. Исследование этих вопросов на примере переживания и осмысления коллизий советского XX в., заполненного масштабными изменениями социального, этнического, эмансипационного характера, существенно отразившимися на трансформации истории женщин и женского самосознания, позволяет раскрыть новые аспекты соотношения практик меморизации и социального опыта женщин, уточнить функциональное предназначение автобиографических нарративов для трансляции женской социальной памяти. Если исходить из ранее выявленных основных функций автобиографической памяти, таких как идентификационная (ресурсная), коммуникативная, транслирующая, мифологизирующая, смыслообразующая, то в воспоминаниях П.Я. Кочиной все они так или иначе проявлены. При этом текст был доступен как заинтересованному кругу профессионального сообщества, так и широкой аудитории, будучи опубликованным в серии научно-популярных изданий Академии наук СССР в издательстве «Наука» тиражом 26 000 экземпляров. Высокий социальный статус академика и официальное признание, обеспечивающие ей возможность публичного нарратива, в данном случае выступали способом легитимизации женской автобиографической памяти как проявления коллективной советской идентичности.

Список литературы:

1. Соколенко О. Спасение детей и право на аборт: история первой советской женщины-министра // Forbes Woman. 11 февраля 2022 г. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/455351-spasenie-detej-i-pravo-na-abort-istoria-pervoj-sovetskoj-zensiny-ministra> (дата обращения: 16.03.2022).
2. Pushkareva N., Zhidchenko A. Women Scholars of Akademgorodok: Everyday Life in a Soviet University Town during the Thaw // The Russian Review. An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present. 2022. Vol. 81. № 2. P. 302–324.

Об авторе:

БЕЛОВА Анна Валерьевна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

SOCIAL OPTIMISM AS AN INTENTION IN WOMEN'S AUTOBIOGRAPHICAL MEMORY OF THE AGE OF KHRUSHCHEV'S «THAW»: THE PRACTICES OF SELF-ANALYSIS OF ACADEMICIAN P.YA. KOCCHINA

A.V. Belova

Tver State University, Tver, Russia

The article is devoted to the concept of social optimism as the leading intention in women's autobiographical memory of the era of the Khrushchev “thaw”. On the basis of a study of the published memoirs of the third woman-academician in the USSR, P. Ya. Kochina, the author reconstructs the elements of reflection of everyday life and worldview, analyzes some milestones of the professional and social path of the scientist, finds out the conjugation of individual and collective value orientations. In conclusion the author claims that positive life attitudes, which contained a colossal transformative potential, characterized both her own worldview and the peculiar “women's voice” of the era, which voiced the collective autobiographical memory of women and embodied the experiences of their everyday life, striving to create a social project of “a better future”.

Keywords: Academician Pelageya Yakovlevna Kochina, everyday life, women's everyday life, women's autobiographical memory, social optimism, women's history, Khrushchev's “thaw”.

About the author:

BELOVA Anna Valeryevna – the Doctor of History, the Head of the Department of World History, the Tver' State University (170100, Tver', Trehsvyatskaya str., 16/31), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

References:

Sokolenko O., *Spasenie detej i pravo na abort: istoriya pervoj sovetskoj zhenshchiny-ministra*, Forbes Woman. 11 fevralya 2022 g. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/455351-spasenie-detej-i-pravo-na-abort-istoria-pervoj-sovetskoj-zensiny-ministra> (data obrashcheniya: 16.03.2022)

Статья поступила в редакцию 15.04.2023 г.

Подписана в печать 17.08.2023 г.